ГРЕКИ.

Греки, армяне, евреи и индѣйцы, какъ народы по преимуществу торговые, расползаются по всему свѣту и справедливо могутъ быть названы землепроходными. Индѣйцы впрочемъ обнимаютъ въ этомъ отношеніи самое ограниченное пространство, а евреи самое обширное, какъ народъ, у котораго своего отечества нѣтъ вовсе. Индѣйцы, тамъ гдѣ они основываютъ жительство свое внѣ отечества, почти исключительно занимаются дѣлами денежными, лихвеннымъ ростомъ подъ залоги, чему также охотно слѣдуютъ и армяне; евреи занимаются, кромѣ торговли и денежныхъ дѣлъ, разными легкими промыслами и ремеслами; греки преимущественно торговлей. Замѣчательно, что азіятскіе народы, мусульмане, которые плѣнниковъ и людей добытыхъ разными средствами въ неволю, обращаютъ въ холопей, въ рабство,

не щадя даже въ этомъ отношеніи своихъ братьевъ, мусульманъ же другаго раскола, никогда не обращаютъ въ рабство грековъ, армянъ, евреевъ и индѣйцевъ. Это основывается на одномъ только закоренѣломъ обычаѣ; никакого закона на это нѣтъ.

Въ южной Россіи грековъ много, но земляки наши, какъ извѣстно, вообще къ нимъ не очень благоволятъ. Армяне тамъ менѣе распространены, и по азіятскому, почти мусульманскому роду жизни, входятъ менѣе въ соприкосновеніе съ прочими жителями, тогда какъ греки довольно обязательны и замѣшиваются, какъ Богъ приведетъ, въ разныя степени и сословія нашего гражданскаго и служебнаго быта. Какъ бы то ни было, но вступительное восклицаніе Карамзина: «о греки, греки, кто васъ не любитъ?» — трудно отнести къ нашимъ временамъ, а въ особенности къ нашей мѣстности. Дѣльно или нѣтъ, но въ тѣхъ краяхъ нелюбовь эта безпрестанно порождаетъ новые нападки, особенно насмѣшки, иногда довольно ловко

приспособленныя къ быту этого народа. Можно ли однако же тому повѣрить, чтобы человѣкъ посвятилъ всю жизнь свою исключительно тому, чтобы насмѣхаться надъ греками и дразнить ихъ всѣми средствами, которыя изобрѣтательное воображеніе его могло придумать? Но у насъ на югѣ есть, или по крайности были такіе люди, и я одного изъ нихъ зналъ. Онъ былъ человѣкъ вовсе не глупый отъ природы, образованія казеннаго, не безъ способностей, довольно ловокъ по наружности; у него не было въ теченіи послѣднихъ 20–ти лѣтъ жизни, — а онъ умеръ довольно молодъ, — не было ни думки, ни слова, ни занятій, кромѣ насмѣшки или задирки для грека. Шутки эти иногда были остры и злы, иногда довольно пошлы и плоски, но онъ умѣлъ личностію своею придать имъ чрезвычайно забавный видъ: трудно было удержаться отъ смѣха. Его звали обыкновенно грекобѣснователемъ, или, сокращенно, гречаникомъ.

Одна изъ любимыхъ шутокъ его была, заставить грека прослушать греческую пѣсню, которую бичеватель этотъ сложилъ самъ и пѣлъ чистымъ голосомъ, бойко подъигрывая на гитарѣ. За исключеніемъ одного только небольшаго вступленія, въ которомъ говорилось, что на островѣ Кипрѣ есть разные птицы и звѣри и греки, которые ходятъ яко человѣки, вся пѣсня состояла просто изъ подбора греческихъ прозваній, нанизанныхъ сподрядъ такимъ образомъ, что сперва слѣдовали на жалкій, протяжный голосъ, прозванія на мери, стери, хери; за тѣмъ шли, забавно риѳмуя, всѣ кончающіяся на пуло, которыхъ очень много; музыка постепенно оживлялась и внезапно изливалась быстрымъ потокомъ прозванія на аки, маки, таки и раки, произносимыя съ приличными ужимками и какъ будто съ сердцовъ. По временамъ трубадуръ ударялъ кулакомъ въ кузовъ гитары, произнося односложное прозваніе грека, похожее по звуку на ударъ въ литавру или тулумбасъ и наконецъ повершалъ все это прежалкимъ напѣвомъ,

въ разладъ, при чем жаловался на горе такого то, на прозваніе котораго не было риѳмы, и который, поэтому, остался одна, а это слово риѳмовало съ одинакимъ прозваніемъ.

Подговоривъ въ другое время матроса унести большую рыбу, паламиду, которую греки купили и собирались готовить, съ перцикомъ, луцкомъ, маслинка и барабанска масла, — онъ явился самъ первый соболѣзновать утратѣ этой, утѣшать отчаянныхъ, проклинать безсовѣстнаго вора и, предложивъ за тѣмъ услуги свои, написалъ имъ просьбу слѣдующаго содержанія, которую совѣтовалъ подать по начальству: «мы греки, цесны целовѣки, купили рыбы для мы, а онъ скусалъ для я.» Въ другой разъ онъ подстерегъ разговоръ нѣсколькихъ грековъ, которые, внезапно воспламенившись любовію къ отечеству, порывались на возникшее тогда возстаніе противъ турокъ, но были въ отчаяніи, не находя средства, какъ избавиться отъ продолжительныхъ и околичественныхъ обрядовъ, необходимыхъ для полученія

заграничнаго паспорта. Грекобѣснователь успѣлъ убѣдить ихъ, неподражаемымъ простодушіемъ своимъ и ни чѣмъ невозмущаемою степенностію, что по одной запискѣ его, ихъ пропустятъ безъ затрудненія на всѣхъ заставахъ, потому что всѣ караульные офицеры товарищи и пріятели его. Греки съ благодарностію приняли отъ него записку, съ которою и привели ихъ обратно подъ конвоемъ отъ первой заставы, и представили плацъ–маіору, который прочиталъ: «идотъ цетыре целовѣка грека, цесна целовѣка, на свуя вуйна, за утецества» — за тѣмъ слѣдовала еще подпись одного извѣстнаго въ городѣ старика — грека. Гречаникъ прислужился однажды этому старичку, греку, смотрителю казенной мельницы, у котораго писарь заболѣлъ и потому некому было написать недѣльнаго донесенія о дѣйствіи мельницы. Въ коротенькомъ донесеніи услужливаго гречаника сказано было коротко и ясно, что «вѣтеръ не вѣтрилъ, мельница не мелилъ; а сколько есть мука и

пшеница, — смотри пожалуйста на старый рапорт.»

Не думайте, чтобы всѣ проказы эти легко сходили съ рукъ нашему отчаянному гречанику: онъ рѣдко, и то не надолго лишался казенной квартиры, какъ называлъ онъ гауптвахту, и потому въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда я его зналъ, онъ своего жилья вовсе не нанималъ. Высидѣвъ срокъ за одну изъ греческихъ проказъ своихъ, онъ отправлялся, какъ говорилъ, на подножный кормъ въ греческіе сады, или же, какъ дѣйствительно не разъ дѣлывалъ, приходилъ къ любому греку и безъ всякихъ обиняковъ поселялся у него въ домѣ, объявя самымъ вѣжливымъ и забавнымъ образомъ, что у него на это время, Богъ знаетъ отъ чего, не случилось своего угла, и что онъ пришелъ какъ большой любитель грековъ, какъ другъ и пріятель всѣмъ имъ, какъ человѣкъ притомъ умѣющій ценить гостепріимство, — пришелъ пожить нѣсколько дней за панибрата съ малосольнымъ человѣкомъ. Если же, паче чаянія, гость будетъ въ тягость хозяину,

чего никакъ не смѣетъ предполагать, то онъ согласенъ хоть тотчасъ–же выбраться на ту квартиру, которую ему укажутъ. — Онъ неприхотливъ и довольствуется всѣмъ, лишь бы это было также у грека, потому что онъ безъ сладкоустной бесѣды съ греками не можетъ жить....

И повѣрите–ли, что чудаку этому дѣйствительно удавалось проживать такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ, весь промежутокъ отъ одной казенной квартиры до другой, на счетъ гонимаго имъ ближняго, грековъ то есть, переходя отъ одного къ другому! Если не всякій, то покрайней–мѣрѣ многіе изъ нихъ предпочитали покориться молча этой непріятности и задобрить отъявленнаго, непримиримаго врага своего, чѣмъ затѣвать съ нимъ и въ добавокъ еще съ полиціею и начальствомъ его дѣло. Всѣ знали, что онъ никогда и ни зачто отъ начатой шутки не отказывался, какой бы оборотъ не приняло дѣло, и что покидалъ избранное для себя житье не иначе, какъ когда его отправляли оттуда прямо на казенную квартиру.

Какъ человѣкъ, посвятившій себя этому предмету по призванію, греконенавистникъ изучилъ порядочно новогреческій языкъ и свободно на немъ объяснялся; кромѣ того, ему были въ подробности знакомы не только всѣ обычаи греческіе, но даже и бытъ и жизнь почти каждаго грека въ городѣ; особенно же бытъ болѣе извѣстныхъ, зажиточныхъ людей. Поэтому онъ и подносилъ имъ иногда, къ новому году или иному празднеству, метрику своего сочиненія, на смѣшанномъ русско–греческомъ языкѣ, въ которой самымъ забавнымъ образомъ пояснено было происхожденіе этого знаменитаго дома отъ одного изъ древнихъ архонтовъ; а происхожденіе это въ то время давало грекамъ русскія дворянскія права. Въ метрикѣ, украшенной поличіями главнѣйшихъ предковъ, и въ томъ числѣ одного изъ древнихъ мудрецовъ, заключалось и описаніе жизни ихъ, которое обыкновенно начиналось тѣмъ, что предокъ–архонтъ пожертвовалъ жизнію за отечество, а послѣдній потомокъ

разбогатѣлъ, торгуя маслинами и чубуками. Впрочемъ, замѣчалъ біографъ, и тотъ и другой были охотники до балыковъ и кефали, и приправляли ихъ прованскимъ масломъ. По этому поводу, онъ разсказывалъ объ одномъ изъ предковъ этихъ, какъ объ именитомъ человѣкѣ, слѣдующій любопытный случай. Встрѣтивъ однажды русскаго — Богъ вѣсть какъ онъ зашелъ туда, — несшаго превосходную рыбу, знаменитый Анастасій остановилъ и подозвалъ изъ любопытства русскаго, желая насладиться пріятнымъ зрѣлищемъ, большою, свѣжею и жирною рыбой, до которой греки вообще очень лакомы. Распросивъ его: гдѣ онъ досталъ рыбу эту, что далъ за нее, и почмокавъ немного, потому что у него потекли слюнки, грекъ продолжалъ: а что ты съ нею будешь дѣлать? — Разумѣется что, отвѣчалъ тотъ, — съѣмъ. — Ну, а скажи же мнѣ, какъ ты ее будешь ѣсть, какъ приготовишь? — А извѣстно какъ; — чего тутъ готовить; сварилъ, да и съѣлъ. Знаменитый Анастасій не устоялъ на ногахъ, при такой страшной

вѣсти, а какъ стоялъ, такъ и упалъ безъ чувствъ. Народъ сбѣжался, стали разспрашивать русскаго, чѣмъ онъ бѣднаго грека съ ногъ сбилъ? — Ничемъ, говоритъ тотъ, я его и пальцемъ не трогалъ; онъ спросилъ меня: какъ будешь готовить рыбу? — а я отвѣчалъ, сварю да и съѣмъ. Тогда присутствовавшіе греки поняли все, пожурили слегка русскаго за неосмотрительность его, сказавъ, что этимъ–де шутить не должно, что такъ не мудрено испугать человѣка до смерти; за тѣмъ одинъ изъ нихъ присѣлъ надъ обмершимъ и началъ причитывать надъ нимъ и разсказывать во всей подробности, какую подливу должно приготовить къ этой рыбѣ, изъ маслинокъ и прованскаго масла. По мѣрѣ того, какъ подлива эта поспѣвала, потомокъ архонта приходилъ въ себя, и наконецъ всталъ, облизался, ударилъ земляка по плечу и, сказавъ ему отъ души: хорошо ты говоришь, товарищъ, спасибо; отъ твоихъ словъ я опять ожилъ, — пошелъ своимъ путемъ. — Такимъ образомъ предусмотрительность этого товарища

спасла жизнь знаменитому Афанасію и Анастасію, висѣвшую на волоскѣ, и міръ былъ обрадованъ впослѣдствіи многочисленнымъ потомствомъ его.

Объ армянахъ мало ходитъ забавныхъ анекдотовъ, чему вѣроятно причиной молчаливость ихъ, угрюмость и суровая наружность. Говорится только, что изъ трехъ котловъ жидовъ, цыганъ и грековъ, чортъ сварилъ одного армянина; къ этому другіе прибавляютъ, что чортъ старался самъ для себя, желая оставить этого новорожденнаго, собственно при личности своей въ услуженіи, — но что армянинъ надулъ и чорта, и ушелъ отъ него. И такъ, оставимъ грѣшныхъ армянъ, и разскажемъ вмѣсто того, въ заключеніе, объ одномъ грекѣ небольшой анекдотецъ, но который тѣмъ дорогъ, что носитъ на себѣ печать истины.

Заѣзжій грекъ сидѣлъ въ одномъ приморскомъ городѣ нашемъ за воротами, на взморьѣ, глядѣлъ на безпредѣльное Черное море и напѣвалъ про себя что–то самымъ плачевнымъ, заунывнымъ

голосомъ. Надобно сознаться, что подобное пѣніе нынѣшнихъ грековъ походитъ нѣсколько на отчаянное завыванье или мартовское мяуканье. Пѣлъ, пѣлъ мой грекъ и сталъ наконецъ заливаться слезами. Русскій, который долго слушалъ жалобные переливы своего пріятеля, присталъ наконецъ къ нему съ распросами: Какую же ты такую горемычную пѣсню поёшь, что она тебя до слезъ доканала? — Это такая пѣсня, отвѣчалъ разчувствовавшійся грекъ, такая пѣсня, что и сказать не можно. О какъ хороша! У васъ такой нѣтъ: за нею нельзя не поплакать. — Да ужъ не въ томъ сила, возвразилъ русскій, а ты разскажи-ка мнѣ, о чемъ она поется, что въ ней говорится? — Э, братецъ, этого никакъ не можно; она такъ жалостна, что и сказать нельзя. — Какъ нельзя? Ну, да ты просто переведи мнѣ; вѣдь ты по русски знаешь; ну, что по гречески поешь, то вотъ и перескажи мнѣ по нашему. Послѣ долгихъ увѣреній, что этого никакъ нельзя, грекъ наконецъ рѣшился и началъ, пришепетывая такъ: — Вотъ видишь-ли, ты братецъ мой;

это очень жалкая пѣсня у насъ; очень жалкая; когда поютъ ее, такъ всѣ плачутъ. Ну, вотъ видишь–ли, слушай: сидѣла одна птица, не знаю какъ ее зовутъ по русски; хорошая; сидѣла она на горѣ; долго сидѣла, потомъ махнула крыльями, полетѣла — полетѣла далеко, далеко, черезъ море, черезъ горы, черезъ лѣса; — далеко, понимаешь? — Ну, летала, летала, да и сѣла. Вотъ что. — Только–то? спросилъ удивленный русскій. — Ну да, только. Тотъ захохоталъ и отошелъ молча. Ну, то–то и есть, замѣтилъ огорченный грекъ, очень чинно и со вздохомъ, я тебѣ говорилъ, что этого пересказать нельзя: по русски тутъ не выходитъ ничего, а по гречески очень жалко!